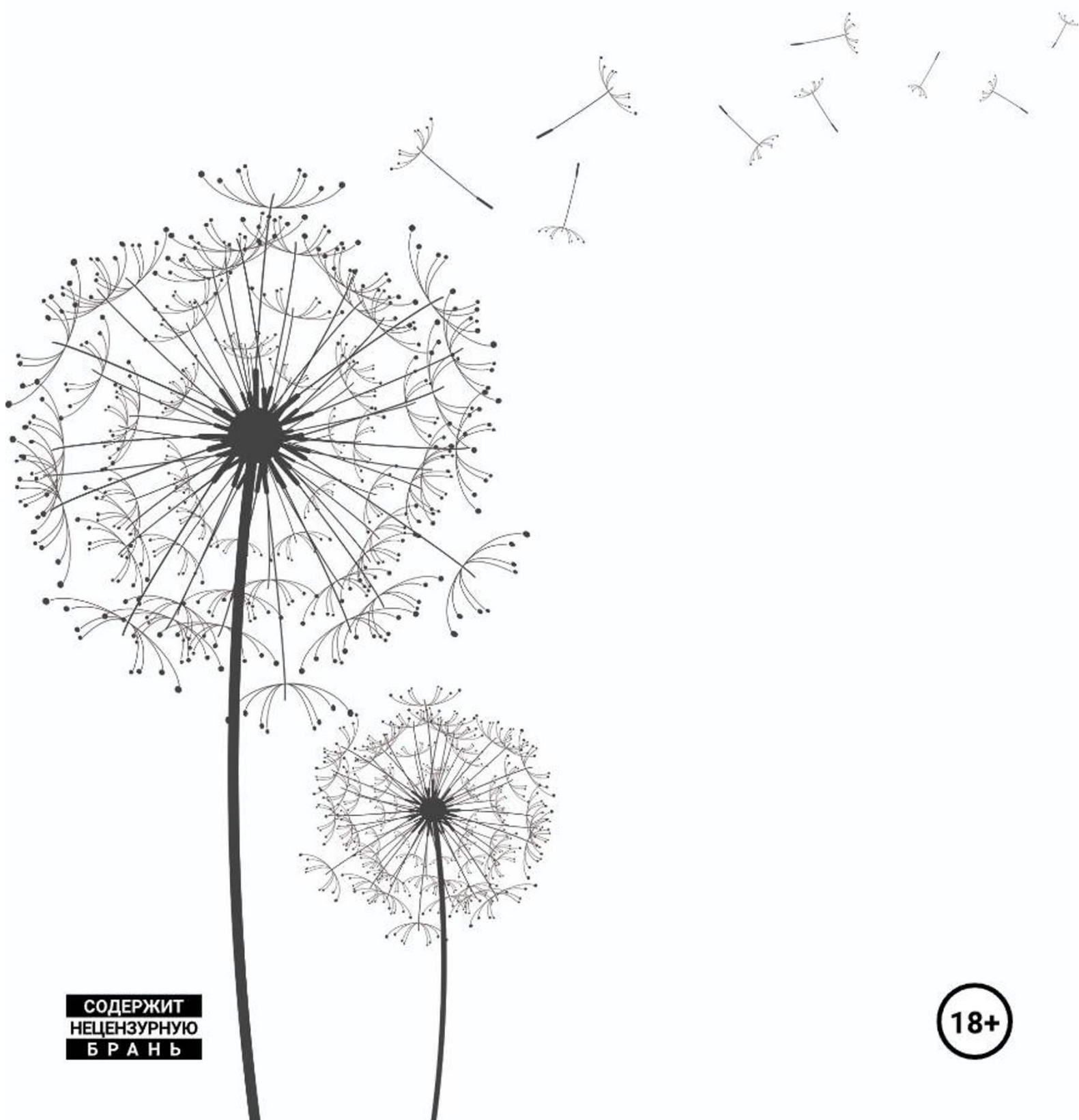

ВАЛЕРИЙ КОНОВАЛОВ

ЛЮДКИНА ЛЮБОВЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Валерий Коновалов

ЛЮДКИНА ЛЮБОВЬ

«Автор»

2026

Коновалов В.

ЛЮДКИНА ЛЮБОВЬ / В. Коновалов — «Автор», 2026

Людка не хотела ничего в этой жизни, кроме любви. Она мечтала о ней, она верила в неё, и была уже совсем близко от своего счастья, но не учла одного - в этом мире, кроме любви и счастья есть ещё страх и безысходность, ложь и предательство. И она ищет выход из тупика, раздирая на куски своё сердце и душу.

© Коновалов В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	10
Глава третья	14
Глава четвертая	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Валерий Коновалов

ЛЮДКИНА ЛЮБОВЬ

Она не хотела ничего в этой жизни, кроме любви. Она мечтала о ней, она верила в неё, но не учла одного - в этом мире, кроме любви и счастья есть ещё страх и безысходность, ложь и предательство.

Прядь жирных волос, которая в обычное время прикрывала его лысину, раскачивалась из стороны в сторону в такт конвульсивных движений. Её кончик касался Людкиного лица, и она едва сдерживалась, чтобы не вырвать, так отвратительно это было, хуже чем смрадный запах, извергающийся изо рта человека, который нависал над ней и кисловатая вонь лохматых подмышек со сверкающими кристалликами соли засохшими на кончиках каждой волосинки. На боль она уже не обращала внимания, нельзя сказать, что привыкла, просто перестала её чувствовать. Людка вообще ничего не чувствовала. Умерли чувства... Умерли в тот день, когда начался этот ад...

Глава первая

Вот оно, счастье - родители ушли на работу, и теперь можно, перед тем, как бежать на пару, всласть покурить, не прятаться где-нибудь за гаражами, подальше от посторонних глаз, боясь вступить в раскисшие кучи дерьма, а неспешно насладиться любимым ароматом в спокойной обстановке. Людка прятала пачку сигарет на кухне за вентиляционной решёткой и была уверена, что мама её там никогда не найдёт и тайна продолжит оставаться тайной, ведь за пять лет родители так и не догадались, что их дочь курит. Для этого применялись все меры предосторожности - от зажимания сигареты между двумя спичками, чтобы кончики пальцев не становились коричневыми от табачного дыма, до жевания кусочка миндального ореха или зёрнышка кофе перед возвращением домой. Был среди девчонок, которые так же как и Люда скрывали свою страсть, негласный закон - не дымить друг на друга и ни в коем случае не курить в помещении, одежда и волосы предательски сохраняла запах, а отмазки про мальчишек, которые накурили в коридоре воспринимались родителями с подозрением, особенно мамой. Её то Людка и боялась больше всего, ей казалось, что мир перевернётся если мать узнает, что она курит, боялась, что та проклянёт, перестанет её любить, а может быть и выгонит из дома. В непутёвой девичьей голове накопилось множество самых изощрённых наказаний, но больше всего страшила мамина нелюбовь.

Выйдя из ванной, Людка пододвинула к плите стул, запрыгнула на него, аккуратно поддела ногтем вентиляционную решётку, засунула руку почти по локоть и извлекла из глубины пыльную пачку "Стюардессы". Прошлёпав босыми ногами по горбатуму линолеуму, подошла к окну, и открыв одну из створок, уселась голышом на подоконник. С улицы пахло привычной подвальной затхлостью, их квартира находилась на первом этаже и из разбитых окон мусорокамеры так пахло всегда. Да и стесняться было некого, окно выходило на задний двор и упиралось в кирпичную стену автопарка. Никто здесь никогда не ходил и уж тем более в окна не заглядывал. Но ощущение, что на её обнажённое тело пялятся сотни пар глаз, оставалось, и это будоражило ещё больше, чем курение.

Людка чиркнула спичкой и сладостно прикрыв глаза, глубоко затянулась, так, что горячий дым обжёг лёгкие. Эта первая затяжка была сравнима с оргазмом, хотя никаких оргазмов она ещё никогда не испытывала, так, догадывалась, что должно быть приятно, но как именно, не знала. Девчонки, которым повезло испытать на себе таинство соития, рассказывали разное, но верилось им с трудом, уж слишком разнились описания. Поэтому единственным наслаждением для Людки была эта первая утренняя затяжка. Остальное когда-то должно было обязательно произойти, и она верила, что это будет гораздо приятнее чем выкуренная тайком от родителей сигарета.

Её мысли, как обычно, витали где-то далеко, поэтому она не услышала, как открылась входная дверь, не услышала шаги в коридоре и скорее почувствовала всем телом обжигающий взгляд на себе. Она приоткрыла глаза и тут же вскочила на ноги, автоматически вышвырнув сигарету в окно. Секундное оцепенение прошло, Людка сжалась в комок, и стараясь прикрыться руками, рванулась к двери.

- Куда собралась?! - гаркнул отец, стоящий с выпученными глазами посреди кухни. Он сделал шаг назад, преградив дочери путь.

- Мне нужно одеться, пап, - чуть слышно произнесла Люда, - выпусти меня..., пожалуйста.

- Я что тебя голой никогда не видел? На что тут смотреть, - ответил он, блуждая взглядом во её дрожащему телу. - Я вот этими руками тебя мыл, пеленал, на горшок садил.

- Я прошу тебя...

- Не ной! - скомандовал отец. - Мать сегодня же узнает, что ты курила!

- Папочка, не надо, не говори ей ничего, - взмолилась дочь. - Умоляю. Я больше никогда не буду. Что хочешь для тебя сделаю. Только не говори маме ничего.

- Что хочу, говоришь...

- Да... Всё, всё, всё... По дому буду помогать, учёбу подтяну, стипендию буду тебе отдавать...

- Да насрать мне на твою учёбу, - он взял Люду за плечи и прижал к себе. - У меня другое желание... Пойдём...

- Можно я оденусь?

- Зачем? Как раз одеваться и не нужно. Садись, - он толкнул её, и Люда отлетела к дивану.

Отец достал из серванта два хрустальных фужера из маминого неприкосновенного сервиза и бутылку "Столичной". Сел рядом, и до краёв наполнил бокалы водкой.

- Выпей.

- Не хочу, - ещё крепче прижав колени к груди, ответила дочь.

- Пей, сказал, а то матери всё расскажу про курево!

Люда обхватила бокал дрожащими руками, при этом разлив на себя почти треть.

- Вот дура неуклюжая, сколько добра перевела. Попробуй ещё хоть каплю разлить!

Отец властным движением подвинул её руки ко рту. Люда с надеждой взглянула в его глаза, но ничего кроме равнодушного холода в них не увидела. Водка обожгла горло, дыхание перехватило, захотелось выплюнуть то, что осталось во рту прямо в бокал.

- До дна! - приказал отец, и дочь послушалась.

Уже через пару минут всё вокруг утратило чёткость, в ушах загудело, было полное ощущение, что её тело наполнилось мягкой ватой, а на лице, вместо гримасы ужаса, возникла вдруг дурацкая ухмылочка. Руки, утратив возможность сопротивляться, разжались и обмякшее тело сползло по спинке дивана, открыв взору отца все свои прелести.

- Вот видишь, как всё просто, - довольный собой произнёс отец, он залпом выпил свой бокал и начал торопливо снимать с себя одежду. Вдруг, что-то вспомнил и запутавшись в трусах, попрыгал на одной ноге к входной двери и вставил ключ в замок, чтобы невозможно было открыть её снаружи.

Люда не могла понять, что с ней происходит, она видела перед собой искажённое гримасой наслаждения лицо отца и при каждом его приближении ощущала боль, где-то внизу... И ещё эта мерзкая прядь волос, которая то и дело касалась её губ...

- Что это за пятно на диване? - спросила мама, раскладывая его перед сном.

Люда, только-только пришедшая в себя, украдкой взглянула на отца, а тот поднёс два пальца к губам, намекая на угрозу всё рассказать про курение.

- Это я случайно сок разлила. Мам, прости, я отчищу.

- Ладно, давай уже завтра. Какая же ты у меня рукожопая, - сокрушённо произнесла мать, поскоблив ногтем пятно. - Странный какой-то сок, хрен отчиститься.

Людка всю ночь пролежала неподвижно, ни на секунду не сомкнув глаз, вслушиваясь сначала в напряжённый шёпот родителей, а потом в ритмичный скрежет дивана и хрюкание мамы, изображающей страсть. Давно уже такого не было...

Почему-то все обитатели этой однокомнатной квартирki были уверены, что замусоленная занавеска, отделяющая детский мир от взрослого, способна была что-то скрыть. Пока Людка была маленькой, не было никаких проблем, но с годами жизнь в общем пространстве стала невыносимой для всех. Поэтому, или может быть из-за чего-то другого, но вот уже почти восемь лет как из-за занавески по ночам доносился лишь отцовский храп.

В шесть утра зазвенел будильник, и дом наполнился новыми звуками: зашаркали по полу тапочки, с булькающим грохотом опустошился сливной бочок в туалете, на кухне звякнула посуда и через минуту запахло яичницей с жареной колбасой, тут же засвистел чайник... и

вот, наконец, хлопнула входная дверь... В квартире наступила мёртвая тишина... Люда боялась пошевелинуться, думая, что отец куда-то не ушёл, притаился где-то в коридоре за шкафом и ждёт пока она выйдет из своего укрытия. Но время шло, а ничего не происходило. Она осторожно, чтобы не скрипнуть кроватью, спустила ноги на пол, нащупав тапки и отодвинула занавеску, осмотрелась. Никого... Дальше она действовала по чёткому плану, продуманному ночью, сваливая в чемодан только самое необходимое. Доев остатки яичницы, Люда вытащила из тайника сигареты, и сдув с пачки пыль, спрятала их в карман. Чемодан оказался не таким уж и тяжёлым, она поставила его на подоконник, рядом с этюдником и распахнув окно, спрыгнула на землю.

Её тень мелькнула за углом, и в то же мгновение из окна выглянул отец, озабоченно зыркнул по сторонам и с грохотом захлопнул створки. А вот теперь нужно было поторопиться. Люда, взобравшись на доминошный стол, перебросила чемодан через кирпичную стену автопарка, после чего перелезла сама, немного испачкалась, но к счастью, ничего из одежды не порвала, и главное, не разбила этюдник.

Отец долго метался по двору, расспрашивая соседей, не видел ли кто Людку, но увы, побег дочери остался незамеченным. Это не сулило ему ничего хорошего, тем более он снова опоздал, ворвавшись в кабинет декана, и дама вместо ответа на вопрос встревоженного отца, положила перед ним на стол заявление с просьбой предоставить Людмиле Брылёвой академический отпуск по семейным обстоятельствам.

- Я уж не знаю, Фёдор Иванович, что там у вас в семье случилось, - с укоризной произнесла она, - но это явно мешает девочке учиться. Решите проблемы сами и поговорите с дочерью. Я готова вернуть её к занятиям в любой момент. У неё талант. Мало кто из наших первокурсников так хорошо рисует.

- Ну вы прям окрылили меня, Октябрина Владимировна, - с нескрываемым ехидством ответил тот. - Осталось только найти то место, где я смогу поговорить с этой засранкой.

- К сожалению, ничем больше не могу вам помочь.

Вечером, вернувшись с работы, Людкина мама застала мужа спящим в кресле, рядом с ним на полу валялась пустая бутылка водки и трёхлитровая банка с помидорами, рассол из которой вытек прямо на ковёр. В довершение картины, в квартире было не продохнуть от перегара, и что самое удивительное, дочь не сидела в своём углу и лист ватмана, приколотый кнопками к её мольберту, был чист. На кухне и в ванной Люды тоже не было, не было и её кроссовок. Мама с опаской открыла дверцы шифоньера и отшатнулась - полка дочери была пуста.

- Вставай, придурок! - крикнула она, со всей силы толкнув мужа в плечо.

- Чё надо? - буркнул тот, приоткрыв глаза.

- Где Люда!?

- Откуда я знаю... Когда пришёл, её не было.

- Нажрался зачем?

- Так просто... Захотелось...

- Свинота. Ты диван засрал и ковёр испортил? Я для этого уродуюсь в две смены, для этого копейки в дом тащу?

- Я тоже работаю, - едва ворочая языком парировал муж.

- Знаю я твою работу. Бумажки сраные в бухгалтерии перекладываешь.

- Кто на кого учился... Ты вот тряпкой елозишь в больнице, а я бухгалтер, - он с гордостью покрутил указательным пальцем возле лица.

- Иди, бухгалтер долбаный, умойся и чтобы через полчаса Людка была дома. А я пока пожарить приготовлю.

- Где я тебе её возьму?

- На улице, наверное, сидит со шпаной. И скажи ей, узнаю, что курит - голову оторву.

- Можешь уже начинать отрывать, - сквозь зубы процедил муж, откинувшись на спинку кресла.

- Что ты сказал?

- То, что слышала. Курит твоя шалава... Сам видел... Засунь руку вон туда, в вентиляцию над печкой. Она там сигаретки свои прячет. Давай, чё стоишь!

Та вбежала на кухню, залезла на стул и рванула решётку так, что штукатурка посыпалась, засунула руку внутрь и долго мацала там ладонью.

- Нет здесь ничего! - крикнула она.

- Значит, с собой забрала.

- Зачем на дочь наговариваешь, шалавой обзываешь?

- Потому что шалава она и есть шалава. Каждому даёт.

- Что ты мелешь, придурок. Я с ней на прошлой неделе в женской консультации была. Девочка она ещё.

- Значит, обманула.

- Как это можно скрыть? Какой обман?

- Вам, бабам, виднее...

- Давай, вали на улицу, и без Людки не возвращайся!

На третий день, когда были обзвонены все друзья, все больницы и все морги, в квартире появилась милиция. После допроса и осмотра молоденький лейтенант сделал вывод:

- Не вижу, гражданочка, состава преступления. Ваша дочь не похищена и не убита, она собрала свои вещи и ушла из дома. Был на то повод? Вы сами на этот вопрос ответьте. Мы, конечно, дадим ориентировку, но следствие открывать не будем, нет на то никаких оснований. Она совершеннолетняя девушка, документы, на сколько я понимаю, при ней, вещи тоже. Найдётся.

И Люда, действительно, нашлась, вернее дала о себе знать. Мать часами перечитывала её письмо, полученное месяц спустя. Страничка, вырванная из тетради и исписанная каллиграфическим почерком, почти раскисла от её слёз. Письмо заканчивалось словами: "...Мамочка, я не могу видеть отца... И прости, что взяла немного твоих денег..." Этого было достаточно, чтобы она выгнала мужа из дома, не разбираясь и не расспрашивая, просто догадалась - он сделал что-то ужасное её дочери.

Глава вторая

Несколько лет назад учительница по русскому языку и литературе написала на доске тему нового сочинения - "Кем ты хочешь быть". Каких только вариантов не было, но больше всего класс смеялся над желанием Вовочки стать лесорубом и желанием Миши стать архитектором. Никто в классе не захотел выучиться в будущем на космонавта или актёра, стать учёным или художником, сплошные шахтёры, слесари, портнихи и строители. И тут, на тебе - лесоруб и архитектор. Злобная детвора долго над этим потешалась, но по иронии судьбы или ещё бог знает от чего, но уже через несколько лет после окончания школы желание мальчишек сбылось - Миша получил диплом архитектора, а Вовочка, правда не по своей воле, отправился валить сибирский лес.

И вот теперь можно было навсегда забыть о школе, которая не дала Мишке ничего, кроме неприязни к ней и всем тем, кто в ней обитал. Всё хорошее, что случилось в его жизни за эти годы произошло вне школьных стен, она не имела никакого отношения к его желанию читать хорошие книги, к умению рисовать и к успехам в спорте, поэтому когда во время рытья какой-то траншеи в школьном дворе, экскаваторщик случайно наткнулся на неразорвавшуюся авиационную бомбу времён войны, Мишка был первым, кто швырнул в неё камень, в надежде, что та взорвётся. Но увы, пришлось немного подождать, чтобы избавиться от неё другим способом.

Он так хотел забыть обо всём, что было связано со школой, что за сорок с лишним лет после её окончания ни разу не посетил мероприятие, которое называется встреча выпускников, и не знал о том, как сложилась судьба большинства из его одноклассников, имена которых навсегда стёрлись из его памяти. Оставался только образ белокурой Леночки, но и то лишь до тех пор, пока он случайно не увидел её, вернувшись из армии. Мишка зашёл в магазин купить бутылочку вина и столкнувшись взглядом с продавщицей, узнал в этой толстой и вульгарно накрашенной девице в грязном халате свою первую любовь. Лена долго смотрела на него, в надежде, что тот заговорит, но он отвёл взгляд, взял бутылку и вышел из магазина, чтобы никогда больше сюда не возвращаться.

По плану, разработанному Мишкой, с первого сентября должна была начаться новая жизнь, в которой он переставал быть маменькиным сыночком и вечно погоняемым всеми слюнтяем. Ещё на вступительных экзаменах Мишка украдкой всматривался в новые лица, выбирая тех, кто мог бы стать его другом или новой любовью. На роль друзей было множество кандидатов, а вот та, в которую хотелось влюбиться была только одна, остальные девчонки выглядели уж слишком обычно; у них не было такой фигуры, облачённой в обтягивающую чёрную водолазку и невероятные по тем временам джинсы "Вранглер". А ещё её голос, манеры и лицо... Такой красоты Мишка не видел даже в кино.

Но вместо того, чтобы подойти и познакомиться, он испугался, и потом старался даже не смотреть в её сторону, в тайне надеясь, что та не поступит, и можно было спокойно жить дальше и не мучиться от неразделённой любви. И каково же было его разочарование, одновременно граничащее с невообразимым восторгом, когда Миша увидел эту девочку, входящей в аудиторию вместе с его группой. Но именно в эту минуту вспомнились пророческие слова его друга детства Пашки: "С красивыми опасно - обязательно обманут". Быть обманутым не хотелось, поэтому Рита стала для него лишь бесплотным симпатичным призраком, который существовал где-то рядом, доставлял эстетическое наслаждение, но контактировать с которым считалось опасным и бесполезным занятием.

- Кто хочет "Винстон"? - внедрившись в круг, выбежавших покурить пацанов, бодро спросил Валера, открывая красочную пачку.

Все жадно похватили сигареты, а он добил всех, громко клацнув зажигалкой "Зиппо".

- Прикуривайте, - и смачно затянувшись, задал совершенно неожиданный вопрос. - Кто-то из вас уже ебался?

Все пацаны одновременно покраснели и потупили взгляды, сосредоточившись на курении.

- Пора бы уже, - с нескрываемым чувством превосходства, произнёс Валера. - Тёлочек нужно начинать ебать вовремя. Как вам наши?

- Так себе, - ответил за всех Штуша, - с одной можно было бы...

- Риту не трогать, она моя, - перебил его Валера. - Ты же о ней подумал?

- Ну есть там ещё, подружка её, но Рита - огонь.

- Бухнём для знакомства? У меня на выходные квартира свободна.

- Сами или девок позовём? - робко поинтересовался Олег.

- Позовём. Зачем бухать без тёлок.

- Всех? - вступил в разговор Саша.

- Пригласим тех, которые тусуются с Ритой, а там посмотрим.

- А что бухать будем? Предлагаю "Портвейн", - со знанием дела предложил Штуша.

- У меня есть "Кальвадос", отец привёз из Франции. А для девок купим ещё и сидр, - продолжил распоряжаться Валера, - ну и жратву какую-нибудь. В общем скидываемся по трёшке.

Мишка всё это время простоял молча. Во-первых, он не курил и не собирался начинать. Первый опыт с украденными у отца сигаретами показал, что это ему не нравится, а курить ради того, чтобы быть как все, не хотелось. Вино он попробовал лишь однажды, и тоже ничего кроме отвращения не испытал. Понравился только сладкий ликёр в шоколадной бутылочке из отцовской коллекции, но бутылочка была такой маленькой и после неё так сильно болела задница от папиного ремня, что этот вкус забылся уже на следующий день после той дегустации. Ну, а слово "ебаться" Мишка даже стеснялся произнести вслух. Он в общих чертах понимал, что и как в этом вожаемом процессе, даже иногда подрачивал на порнографические фотки, которые тайком собирал в течение нескольких лет, при этом ни разу в жизни не целовался, и вообще не прикасался ни к одной девочке. А тут предлагалось всё и сразу..., плюс три рубля. И ему снова стало страшно. Но не пойти он не мог, иначе разорванный им круг снова бы сомкнулся.

Мишка внимательно следил за всем, что происходило на вечеринке и старался делать всё так как делал Валера; отхлебнул немного "Кальвадоса" из рюмки, но испытать наслаждение как его новый друг не смог, и с трудом сдержав отвращение, заел этот изысканный французский напиток куском варёной колбасы, обмакнув его в горчицу. Портвейн был не так противен, но его захотелось чем-то запить.

- Вот, возьми, - любезно предложил Валера, и протянул бокал с напитком, напоминающим сидро.

Он выпил, и голова закружилась почти сразу.

- Это что? - спросил Миша, едва ворочая языком.

- Обычный сидр. Девчачий напиток, - улыбнулся Валера. - Пойдём ко мне в комнату, тебе нужно полежать немного и сразу полегчает.

Господи, подумал Мишка, у него есть даже своя комната. Он, наверное, самый счастливый человек на свете, но войдя в неё, изменил своё мнение - увиденное было на ступеньку выше от обычного счастья; на стенах висели огромные плакаты с лохматыми парнями, на полках дефицитные книги и пластинки, на столе японский кассетный магнитофон и проигрыватель, на полу огромные колонки.

- Вот, послушай, - Валера включил магнитофон, и всё вокруг наполнилось волшебным звучанием.

- А что это?

- "Пинк Флойд".
- Никогда раньше не слышал.
- Балдей. И не выходи, пока не протрезвеешь.

Мишка закрыл глаза, и вытянув ноги, откинулся на спинку дивана. Это была не музыка, а какой-то космос и он блаженно витал в этом безвоздушном пространстве, полностью забыв об окружающей реальности. И когда ко всему этому добавился волшебный, едва уловимый аромат, мальчик ничуть не удивился. Он продолжил свой полёт даже после того, как к его ладони прикоснулось, что-то прохладное и нежное. Миша немного повернул голову и приоткрыл глаза - рядом с ним на диване лежала... Рита.

- Какой хороший сон, - едва слышно прошептал он, расплывшись в улыбке.

Рита улыбнулась и крепче сжала его руку. Миша вскочил, осознав, наконец, что никакой это не сон. Он смущённо покраснел, опустив глаза в пол.

- Ты мне тоже нравишься, - произнесла Рита, подсев ближе.
- Почему "тоже"?

- Думаешь я не заметила, что ты постоянно пялишься на меня. Ещё с экзаменов. Почему не подходил?

- Не знаю, - промямлил Мишка.
- Боишься?

Он промолчал.

- Боишься... Вижу, что боишься. А зря.
- Ты очень красивая...
- Поэтому меня нужно бояться?

- Я не просто испугался... Я испугался, что ты скажешь нет, пошлешь меня куда подальше и я больше не смогу тебя..., - Миша замялся, не в силах произнести это слово, - ...что ты перестанешь мне нравиться.

- Ну и дурак. Я тогда тоже обратила на тебя внимание и даже загадала, что если подойдёшь знакомиться, отвечу взаимностью, но ты не подошёл, и, прости, упустил свой шанс.

Миша виновато, но с надеждой посмотрел на Риту.

- И не строй мне глазки, ничего уже не изменится. Поздно. Но ты хороший мальчик, я чувствую, поэтому хочу дать пару советов. Ты же хочешь, чтобы у тебя была девочка?

Миша кивнул.

- У нас в группе есть только одна - Люда.
- Звучит как какое-то категорично.
- Просто поверь мне, - Рита встала и потянула Мишку за руку. - Пошли потанцуем.
- Я не умею, - стыдливо произнёс он, податливо следуя за ней.
- Я же не заставляю тебя аргентинское танго танцевать.

Она уложила его руки себе на талию, своими обвила шею и всем телом прижалась к нему. И они начали медленно двигаться в такт музыки. Её дыхание щекотало шею, аромат волос кружил голову и внутри у него всё колотилось от щенячьего восторга. И вдруг Рита подняла голову, и привстав на цыпочки, коснулась своими губами Мишкиных пересохших губ, он неумело ответил, при этом задрожав всем телом. Её губы были невообразимо вкусны и ничто не могло сравниться с их нежной и влажной мягкостью, а когда соприкоснулись их языки, внутри всё словно перевернулось. Хотелось, чтобы это состояние длилось вечно. Не с каждым случается такое и не каждый может вспоминать о своём первом поцелуе с такой нежностью и восторгом.

Но, так же внезапно, Рита остановилась, опустила руки, отошла в сторону и поправив волосы, направилась к двери.

- Не говори никому об этом. Ладно?

И не дождавшись ответа, вышла.

Ноги тут же подкосились, и он упал на диван, расплывшись в блаженной улыбке, решив для себя, что это всё-таки был сон. Одно только было непонятно, как после случившегося общаться с Ритой и общаться ли с ней вообще.

Неожиданно в комнату ввалилась толпа и увлекла разомлевшего Мишку с собой. Они пили, танцевали, пели под гитару, снова пили и танцевали, потом курили на балконе, а он постоянно выискивал в толпе Риту, а та всякий раз отходила в сторону, и он сталкивался с Людкиным взглядом. Эта игра в гляделки продолжалась весь вечер. К десяти парочки начали расплзаться по углам и случайно или нет, но получилось так, что Миша оказался рядом с Людой. Они сидели молча, явно не понимая, что им нужно делать, о чём говорить и как себя вести. Он сделал робкую попытку прикоснуться к её руке, но почему-то остановился.

- Всё, я домой, уже поздно, - наконец сказал он, и решительно встал, - сумку только заберу у Валерки в комнате.

- А мне разрешили остаться до утра, - глядя куда-то в сторону многозначительно произнесла Люда.

- А мне нет.

Не постучавшись, Миша приоткрыл дверь Валеркиной комнаты и заглянул внутрь. Звучала та самая мелодия, что и в момент его наивысшего счастья, по стенам ползали пятна от цветомузыки, и что-то странное происходило на диване. Он сразу и не понял, присмотрелся, дождавшись пока яркий луч осветит угол, и тут же отпрянул - голый Валера лежал на голой, чуть слышно постанывающей Рите и ритмично дёргал свой задницей, словно вдавливая девушку в диван. Мишка рванулся было вперёд, но наткнулся на взгляд Риты, та едва заметно покачала головой из стороны в сторону и томно прикрыла глаза, словно говоря - "Не надо, мы же договорились".

Глава третья

Людка долго не думала, куда идти и что делать, ноги сами принесли её на железнодорожную станцию.

- У вас есть билеты до Крыма? - с опаской получить отказа, спросила она, наклонившись к окошку.

- А чего ж им не быть? Апрель на дворе. Какой дурак сейчас туда пойдёт? Шо хочешь можешь выбирать. Хочь купе, хочь эсвэ. Чё забыла там, красавица? Вода ещё ледяная, да и кабелей нэма, - кассирша оглушительно заржала.

- Дайте мне один плацкартный на боковой полке.

- Ты б ещё возле туалета заказала. Даже не знаю, найдётся такое или нет. Обратный брать будешь?

- Нет.

- Восемь пятьдесят с тебя.

Людка достала из кошелька десятку, и сунула её в окошко.

- Сдачи не надо.

- Смотри не простудись, - ответила кассирша, не отводя глаз от червонца, а потом пристав, долго смотрела вслед уходящей девушке. - Счастливая же ты, сучка...

Людка никогда не была на море и мечтала о нём больше, чем другие девчонки мечтали о принце на белом коне. Она считала их наивными дурами, понимая, что даже если гипотетический принц и прискачет, то скорее всего конь его будет по самое брюхо в грязи и собственном дерьме, а долгожданный принц, с трудом выбравшись из железных доспехов, отравит всё окружающее пространство ядовитым запахом отходов человеческой жизнедеятельности, и будет похож на первого американского астронавта - вроде бы герой, до космоса почти долетел, но вернулся то обратно в обоссанном скафандре.

Вот и решила Людка мечтать о чём-то реальном и красивом, но годы шли, а море так и оставалось для неё недостижимым, сказочно красивым местом, куда попадают лишь счастливые люди. Поэтому она и считала себя несчастной, а своих родителей никчемными неудачниками, не приспособленными к жизни. Что из того, что мать целыми днями стояла раком, надраивая грязной тряпкой полы; с утра в каком-то НИИ, потом в поликлинике, после обеда в подъезде генеральского дома, а ближе к вечеру в комнатухе участкового, которая гордо называлась "Районным отделением милиции". Во всех вышеперечисленных местах она была невидимой тенью, после которой оставался лишь мокрый пол и кислый запах истлевшей тряпки... Везде, кроме отделения милиции. Сюда она приходила уже вымотанная и не способная сопротивляться, чем два-три раза в неделю и пользовался симпатичный участковый. В эти вечера он позволял не мыть пол, а сразу укладывал её грудью на свой стол, заваленный бумагами, задира юбку и стащив до колен бабские трусы, прижимался своей небритой мордой к голой заднице, а потом расстёгивал ширинку, и глядя на сидящих на подоконнике голубей, делал своё дело. И никакого тебе душа, никаких прелюдий и душевных бесед при свечах, не говоря уже о поцелуях и нежных ласках.

- Что-то ты сегодня долго, - ласково пробормотала Людкина мама, явно довольная происходящим. Она затолкала трусы в карман, носовым платком стёрла остатки грязной любви со своих ног, и одёрнув юбку, встала.

- А куда, Лида, торопиться, - томно произнёс милиционер, застёгивая брюки, - важно насладиться дарованным тебе свыше. Ты же получила удовольствие?

- Получила, Серёженька... Получила, - почти соврала она.

Ей, как женщине, подзабывшей, что такое настоящая любовь, было, конечно же, приятно это еженедельное внимание, но не могла Лидия понять и уж тем более привыкнуть к странностям этого порядочного с виду мента...

Этот "служебный роман" продлился почти десять лет, до тех пор, пока не вышел на свободу местный гопник, севший когда-то благодаря умелым действиям молоденького лейтенанта, только назначенного на должность участкового. Вернувшись с зоны, он даже не зашёл домой, проведать умирающую мать, а сразу направился в районное отделение милиции, и приветливо поздоровавшись с лейтенантом, который его вообще не узнал, всадил тому заточку прямо в сердце, вытер лезвие и сплюнув сквозь зубы на невымытый пол, вышел на улицу, постоял немного, и усевшись на ступеньки, закурил.

- Ты пока не ходи туда, - не поднимая головы, произнёс он, схватив за подол проходящую мимо Лидию.

- Мне убираться нужно, - возмутилась она и попыталась вырваться.

- Завтра уберёшься, коза драная, а сейчас вали домой, - он встал, и так посмотрел ей в глаза, что у той всё сжалось внутри от страха.

Лишь на следующий день Лидия узнала от соседей, что прошлым вечером был зверски убит их участковый. Она не понимала, что ей теперь делать, ведь тот, кто её остановил у входа в отделение, явно всё знал или даже был причастен к убийству, уж больно походил он на уголовника. Она навсегда запомнила его взгляд, который словно иглами пронзил её глаза. Можно было, конечно, заявить в милицию, но тогда точно вскрылись бы подробности её тайных отношений, но это было сущей мелочью по сравнению с тем, что сделал бы тот страшный человек с ней и её семьёй.

Лидия решила ничего никому не говорить, и прежде, чем отказаться от мизерной милицейской ставки уборщицы, чтобы больше не бередить душу, она дождалась пока уйдёт домой новый участковый и открыла своим ключом его комнатку. Здесь пока ничего не изменилось, даже на столе стояла фотография в рамочке, где улыбающийся во весь рот её Серёжа обнимал свою жену, парнишку лет пятнадцати и маленькую дочку. Аккуратно отковырнув гвоздик с тыльной стороны, Лида вытащила фотографию и положила её в сумку. С этого дня жизнь перестала быть прежней, и сколько бы не добивался, как бы не уговаривал её муж - он всегда получал отказ. Поначалу чем-то мотивированный; то голова болит, то на работе сильно устала, то настали те дни, когда нельзя... Но потом ей надоело придумывать поводы и всякий раз изворачиваться, Лида просто говорила возбуждённому мужу нет, и укутавшись в одеяло, отворачивалась. Муж ещё какое-то время ныл, ругался, пугал разводом, но в конце концов смирился и даже привык к такому положению дел. До него, наконец, дошло, что теперь не нужно напрягаться, готовиться, думать о том, как провести вечер с женой перед "этим делом", достаточно было зайти в ванную комнату, включить воду и как в юности, всласть подрочить.

Ничего этого Людка не знала. Она жила за занавеской, которая отсекала её от скучного мира родителей и тихонько мечтала о море. Именно эта мечта и привела её в изостудию районного ДК, где в первый же день, получив из рук преподавательницы краски и кисточки, нарисовала морской прибор.

- Да у тебя талант, красавица, - хриловатым голосом произнесла эта сухопарая дама, не вынимая изо рта сигарету.

- Где-то училась?

- Нет.

- Тогда будем считать, что мне повезло. Будет хоть кем гордиться на старости лет. А то так всю жизнь учишь, учишь этих... долбней, а они как были, так и остались долбнями. Никакой фантазии, никакой техники, думают чёрт знает о чём, вместо того, чтобы творить. Устала я. Ты же не бросишь рисовать?

- Нет, - ответила Люда, и раздув ноздри, втянула в себя клубящийся над ней ароматный дым.

- А что вы такое вкусное курите?

- "Золотое руно"... С ментолом, - ответила преподавательница, подошла к открытому окну и глубоко затянувшись, с нравоучительными нотками в голосе, продолжила, - но тебе рано ещё об этом думать, девочка моя.

А Людка всё равно любовалась как красиво у той всё получалось - длинные пальцы элегантно сжимали сигарету почти у самого фильтра, рука же всё время была приподнята и находилась возле лица, при каждом выдохе дама, она прищуривалась и с каким-то лукавством смотрела на детишек, стоящих за мольбертами. Именно такой и нарисовала на выпускном экзамене свою преподавательницу её лучшая ученица.

- Я оставлю этот портрет себе на память, если не возражаешь. Его всё равно показывать никому нельзя. Из-за него меня уволят отсюда с волчьим билетом, - распорядилась учительница, свернув лист в трубочку. - Милая моя, ты уже подумала, где продолжишь учиться?

- Хочу попробовать на архитектурный, - ответила Люда - Что скажете?

- Отличный выбор. У меня есть на факультете знакомая, преподаёт рисунок и живопись. Думаю, поможет...

- Никакая помощь мне не нужна!

И действительно, она с лёгкостью поступила, очаровав своим талантом приёмную комиссию на профильных экзаменах, да так очаровала, что после итогового совещания все члены комиссии пошли на должностное преступление, выправив оценки по физике и математике, при том, что Люда не решила правильно ни одной экзаменационной задачки. Но это осталось тайной за семью печатями.

Было приятно ощущать себя лучшей, когда на тебя все смотрят с завистью, шушукаются, обсуждая то, как умело ты орудуешь карандашом и кистью, как быстро схватываешь образ и переносишь его на бумагу. Но был ещё один предмет зависти, переросший позже во всеобщую бабскую ненависть - это её тело. Бог явно не поскупился, создавая его, правда, немножко расслабился, когда работал над мордашкой; оставил зачем-то курносый носик с конопушками, пухлые губки и огромные голубые глаза, увенчав всё это копной густых пшеничных волос.

Но всё это вдруг стало сущей мелочью, в сравнении с той напастью, которая обрушилась на Людку. Она влюбилась. Влюбилась впервые, по-настоящему, с первого взгляда, да так, что аж сердце замирало, когда их взгляды случайно встречались. Миша не понял, почему девчонка задрожала всем телом, когда пригласил её потанцевать на одной из первых студенческих вечеринок, а Люда так крепко прижалась к нему, что он ощутил каждый её изгиб. А не понял, потому что относился к ней так же, как и все остальные, и не замечал, что в его присутствии она просто дуреет. Этот танец был первым и единственным тактильным контактом с объектом её вождения.

- Меня бесит, что он даже не смотрит в мою сторону, - пожаловалась она Рите. - Меня как будто нет рядом. Я что, пустое место?

- Тебе просто нужно немного подождать, - успокоила та.

И Люда ждала... Именно тогда она поклялась, что любить будет только Мишку и подарит свою девственность только ему. Но всё пошло по совершенно иному сценарию... Клятва была нарушена, пусть и не по её вине, но что она сделала, чтобы отстоять свою честь?

Казалось, что монотонный стук колёс сделает своё дело, но уснуть так и не удалось. Сначала донимал проводник, настойчиво пытающийся всучить свой смрадный чай, потом единственный сосед по вагону, пожилой, безостановочно жрущий дядька, который неотрывно следил за каждым её движением, и мысли его явно были похабные, но больше всего мешала уснуть душевная боль и страх.

Побрызгав на лицо водой и с отвращением почистив зубы в вонючем туалете, Людка вышла на перрон. И хотя Симферополь был очень далеко от моря, всё равно невозможно было избавиться от ощущения, что цель достигнута.

- Поехали со мной, - она даже не сразу узнала в солидном человеке в шляпе, своего попутчика. - У меня служебная "Волга". В миг домчимся.

- Спасибо, дядя. Я сама. На троллейбусе, - отвернувшись, ответила Люда.

- Как знаешь, красавица. Смотри, чтобы потом не пожалела.

- Не волнуйтесь.

Солнце ещё не успело выйти из-за гор, а она уже стояла на алуштинском причале; уставшая, с огромными синяками под глазами от недосыпа и слёз, но всё равно счастливая, ведь перед ней было море, о котором она мечтала с самого детства.

- Тебе что больше нравится - восход или закат? - услышала она за спиной приятный голос, и повернулась; позади неё стоял статный парень с ног до головы облачённый в фирму, но всё сидело на нём как-то иначе, чем на обычных парнях, которым подобные шмотки доставались от родителей и потом приходилось отчитываться перед ними за каждое пятнышко и за каждую складочку. Этому же было явно наплевать, как будто у него этих штанов и курток видимо невидимо. Но шмотки не главное, что не позволяло оторвать от него взгляд. Парень был божественно красив - длинные волосы, лёгкая небритость и гипнотический взгляд.

- Никогда не задумывалась, - покорно ответила Люда, - наверное закат.

- Тогда нам на этот катер. Я возьму твой чемодан?

- А билеты?

- Не волнуйся, я уже купил. Только быстро, отходит через минуту. Следующий будет только завтра утром.

Людка как зачарованная последовала за идущим впереди неё парнем, и ступив на раскачивающуюся на волнах палубу, в то же мгновение почувствовала прилив тошноты, от позора спасло лишь то, что она почти сутки ничего не ела.

- Первый раз на море? - спросил он, заботливо придерживая новую знакомую за локоть.

- А что видно?

- С первого взгляда. Пойдём внутрь. Будет прохладно. До Евпатории часа три хода. Сможешь выспаться.

- Мне уже становится страшно. Может и имя моё знаешь?

- Конечно знаю.

- И...?

- Людмила, - улыбнувшись, произнёс таинственный незнакомец.

- Как!? - удивлённо воскликнула она.

- Мало того, я даже знаю твою фамилию, - парень сделал многозначительную паузу. - Брылёва. Я угадал?

- Боже! - Людка вскочила с места. - Я не хочу с тобой никуда плыть! Мне страшно! Откуда? Как ты мог знать? Мы вместе не больше десяти минут. Как?

- Я проник в твоё сознание, - понизив голос, ответил парень, сделав при этом несколько движений руками над головой девушки.

- Так, признавайся честно, ты украл мой паспорт?

- Да не крал я ничего, глупая девчёнка, - он поднял с пола её чемодан и поставил себе на колени. - В пионерский лагерь ездила?

- Конечно... И что?

- Никакой магии, я просто внимательный, - он отвязал от ручки картонную табличку, на которой с помощью трафарета было написано "Люда Брылёва". - Забыла?

- Вот я дура... Мы по ним вещи свои искали, когда их сгружали в лагере. Я же сама эту табличку делала, - Людка повертела её в руках и взглянула на своего попутчика. - Нечестно получается, ты знаешь моё имя, а я твоё нет.

- Меня зовут Баев.

- Просто Баев?

- Да.

- А ты кто?

- Человек.

- Хороший?

- Скоро сама узнаешь.

- А я не пожалею?

- Не хотелось бы.

- А куда мы плывём?

- В самое прекрасное место на свете.

- И мне не нужно волноваться, что ты в этом самом счастливом месте сделаешь мне больно?

- Нет. Наоборот, я сделаю так, что ты забудешь о той боли, с которой сюда приехала.

- Это будет трудно.

- Я постараюсь, - он расстелил на лавочке свою куртку и сделал подушку из свитера. - Ложись, тебе нужно поспать.

Глава четвертая

Учебный год подходил к концу. Об исчезновении Людки уже никто и не вспоминал, поскольку мысли были заняты другим.

- Что будете делать летом, пацаны? - спросил Валера, вальяжно развалившись на лавочке у входа в учебный корпус.

- Меня отец точно припашет в огороде копать, - угрюмо произнёс Саша.

- Я в деревню, к бабке, жирок нагонять, - ответил Эдик.

- Новый альбом "Цепелинов" вышел, буду снимать, - отчитался Олег, звякнув по струнам гитары, которая всегда была с ним.

- А ты чего молчишь? - спросил Валера, повернувшись к Мишке.

- А давайте поедem все вместе на море... Без предков... С палаткой, - неожиданно для всех предложил он. - Я знаю отличное место.

- Ты охерел? Кто нас отпустит, - в один голос возмутились друзья, но по глазам было видно, что предложение всем понравилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.